

Научная статья

УДК 94(55)(092)«18»

DOI: 10.37724/RSU.2021.71.2.010

Хаджа Мирза Агаси — непризнанный гений?

Олег Александрович Никонов

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

oa.nikonov@mpgu.su

Аннотация. В статье анализируются государственные реформы в Иране, предпринятые хаджа Мирза Агаси на посту главы иранского правительства, и роль первого визиря в модернизации страны. Автор приходит к выводу, что большая часть начинаний главы правительства оказалась нереализованной не из-за бездарности предложенных мероприятий, а из-за пассивности иранской элиты и нежелания феодальных кругов Ирана менять устоявшиеся нормы общественно-экономической жизни страны. Усилия первого министра, направленные на укрепление основ иранской государственности, суверенитета и защиты национальных интересов от агрессивных устремлений Российской империи и Великобритании, потребовали от хаджа Мирзы Агаси принятия непростых, а зачастую и непопулярных решений, что сказалось на восприятии его деятельности широкими кругами отечественной и иностранной исторической науки как исключительно вредных для Ирана. Анализ архивных документов показывает, что в условиях крайне стесненных возможностей первый министр оказался способен не только противостоять внешнему давлению, но и попытаться запустить процесс модернизации всего хозяйственного механизма Ирана, что легло в основу последующих реформ середины XIX века. Широта взглядов, готовность следовать прагматичному курсу, способность отказаться от узко-клановых и узко-религиозных стереотипов во имя процветания страны сделали хаджа Мирзу Агаси видным государственным деятелем Ирана первой половины XIX века, незаслуженно забытого в научных кругах. Автор считает, что потенциалы реформ, предложенных первым визирем, вполне могли вывести Иран из состояния застоя и внешней зависимости от иностранных империй.

Ключевые слова: Великобритания, Иран, международные отношения, первый визирь, государственные реформы, Российская империя.

Для цитирования: Никонов О. А. Хаджа Мирза Агаси — непризнанный гений? // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2021. № 2 (71). С. 90–99. DOI: 10.37724/RSU.2021.71.2.010.

Original article

Khadija Mirza Agasi, an Unrecognized Genius?

Oleg A. Nikonov

Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia

oa.nikonov@mpgu.su

Abstract. The article analyzes Iranian reforms undertaken by the khadija Mirza Agasi as the leader of the Iranian government. It also investigates the role the first vizier played in the modernization of the country. The author concludes that the majority of reforms initiated by the leader remained unimplemented not because of their mediocre character but because of the passive nature of Iranian elite and feudal representatives' desire to hinder social and economic innovations. The efforts of the first minister were aimed at the fortification of Iranian nationhood and sovereignty. The minister tried to thwart Russian and British aggression, he had to take difficult and often unpopular decisions, which explains why Russian and foreign historians believe his actions to be detrimental to Iran. The analysis of archival materials shows that having limited resources the first minister managed to resist external pressure and attempted to renovate the Iranian economy, which served as a basis for the reforms of the mid-19th century. The minister's broad-mindedness, his readiness to work on pragmatic goals, his ability to discard social and religious stereotypes for the benefit of the country earned Mirza Agasi the fame of a prominent Iranian statesman of the early 19th century. The author of the article believes that the minister, whose achievements are unfairly neglected by historians, could steer Iran out of stagnation and external subordination.

Keywords: Great Britain, Iran, international relations, first vizier, state reforms, Russian Empire.

For citation: Nikonov O. A. Khadija Mirza Agasi, an Unrecognized Genius? *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin.* 2021; 2 (71):90–99. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2021.71.2.010.

Приступая к изучению сюжетов, связанных с историческими персоналиями, в основе которых лежит оценка их деятельности, и роли, которую они сыграли в истории своего государства, любой исследователь неизбежно сталкивается с очевидной дилеммой: что принять в качестве критерия для объективного разбора — результативность предпринятых шагов или потенциалы инициатив, предложенных для реализации. В последнем случае личные качества персонажа, определившие направление и характер деяний, будут играть более значимую роль, поскольку независимо от результатов станут свидетельством индивидуальных качеств и возможностей личности, свободных от субъективных внешних влияний. Этот выбор особенно актуален, если речь идет о государственных деятелях национального масштаба. Традиционно в исторической науке критерием позитивной деятельности той или иной личности являлась успешность ее инициатив и положительные последствия проводимых мероприятий. Подобный прагматичный подход привел к тому, что многие государственные деятели, несомненно заслуживающие внимания, остались в тени.

В истории Ирана (Персии) периода Нового времени, и так небогатого на неординарных и инициативных государственных деятелей, личность хаджа Мирзы Агаси — первого визиря и главы правительства при шахе Мохаммеде, является ярким примером недооцененного таланта и масштаба. Современный Интернет дает весьма скупое резюме его начинаниям, суть которых сводится к утверждению, что все они закончились неудачей. В отечественной науке отношение к главе иранского правительства также сложилось крайне негативное. Начало репутационным потерям хаджа Мирзы Агаси было положено Ильей Николаевичем Березиным, впоследствии заслуженным профессором Петербургского университета. Свое мнение он составил, еще будучи студентом филологического факультета, которого в 1842 году направили на языковую стажировку в Иран и ряд других стран Востока. Лингвист по образованию, не имеющий знаний о реальном состоянии дел Ирана, И. Н. Березин с характерной для молодости (ему на тот момент исполнилось 24 года) безапелляционностью вынес вердикт: «По своему обширному и недобросовестному влиянию на ход дел в Персии... Хаджи Агаси составлял большое зло, и только нерасположенность Мохаммад-шаха к государственным делам могла держать на месте первого министра такую недаровитую личность, как Ходжи Мирза Агаси» [Березин, 1852, с. 201–202]. Это мнение впоследствии оказало влияние на суждения многих отечественных иранистов. Примечательно, но один из авторитетных американских историков второй половины XX века Фируз-Казем Заде, чью книгу о российско-британском соперничестве в Иране перевели в 2004 году на русский язык, также придерживался мнения, что власть в стране досталась «порочному и невежественному деятелю старого толка» [Казем-Заде, 2004, с. 89].

Для объективного анализа деятельности первого министра (визиря) на своем посту представляется необходимым прежде всего определить условия, в которых пришлось работать хаджа Мирзы Агаси.

Во-первых, следует принять во внимание, что в 1834 году, к моменту вступления его в должность главы правительства (Садр Азама), Иран переживал тяжелый экономический и политический кризис, усугубленный бедственным положением страны на международной арене. Две неудачные русско-иранские войны (1804–1813, 1826–1828 гг.), в которые страна оказалась втянута в результате бездарной политики Фатх-Али шаха, закончились серьезными материальными и территориальными потерями. По статье III Гюлистанского договора от 12 октября 1813 года Иран потерял ханства: «Карабагское и Ганжинское... Шекинское, Ширванское, Дербентское, Кубинское, Бакинское и Талышенское» [Новая история ... , 1988, с. 72]. Помимо незамерзающего бакинского порта на Каспийском море, Иран лишился существенных доходов от реализации на внешних рынках высоколиквидных товаров местного производства. Характерно, что русский «Исторический журнал» в октябре 1813 года особенно указывал на преимущества, полученные от доступа к товарам иранских провинций, известных на Востоке под именем «одной из 4-х райских стран» [Джахиев, 1985, с. 63]. Туркманчайский трактат, подписанный 10 февраля 1828 года, оказался для Ирана еще более тяжелым. Страна потеряла Эриванское и Нахичеванское ханства (ст. III), утрачивала право «иметь на Каспийском море судов военных» [Новая история ... , 1988, с. 75] (ст. VII), что для государственного суверенитета Ирана имело катастрофические последствия, поскольку не только ставило крест на возможностях Тегерана влиять на ситуацию в туркменских степях, но и открывало неограниченные возможности кочевым племенам к грабежам северо-восточных провинций страны. Отягчающим для Ирана обстоятельством стало и так называемое «вознаграждение» в пользу России в размере «десяти куруров томанов, или двадцати миллионов рублей серебром» [Там же].

Во-вторых, помимо вышеозначенных территориальных и финансовых потерь, согласно статьям Туркманчайского договора, Иран лишился и ряда государственных прерогатив. По особому Акту (о торговле) русские купцы получили право свободной коммерции, включая право вести транзитные операции (ст. 1). При ввозе или вывозе товаров русские купцы уплачивали единовременно («единожды навсегда») всего 5%-ную пошлину от стоимости товара (ст. III). Но самое главное, все имущественные тяжбы и споры теперь рассматривались либо непосредственно российскими консулами, либо в обязательном их присутствии (ст. VII) [Новая история ... , 1988, с. 77 ; РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 3. Д. 25. Л. 12–13]. Статья VIII Акта гласила: «В случае смертоубийства или другого уголовного преступления между Российскими подданными, рассмотрение и решение подлежит исключительно Российскому министру... или Консулу» [Советско-иранские отношения, 1946, с. 38]. Другими словами, Российская империя получила право вмешиваться в правовое пространство Ирана, опираясь на собственную законодательную базу. В развитие полученных преимуществ в 1833 году российской стороне удалось получить от наследника престола Аббаса мирзы (валиагда) беспрецедентное право, а именно: взимать в пользу российских кредиторов имущество обанкротившихся иранских купцов [АВПРИ. Ф. 161/4. Оп. 729/2. Д. 50. 1854. Л. 7 об.].

В-третьих, сложилась плачевная ситуация вокруг правопреемственности монархической власти в Иране. Смерть под стенами Герата законного наследника Аббаса мирзы активизировала тегеранский двор и породила интриги по поводу наследственных прав на шахскую корону. И хотя трон достался Мохаммеду, наличие претендентов, например принца Зель эс-Султан, нашедших укрытие под крылом британской дипломатии, еще долгое время создавало определенную напряженность при дворе. Именно такое экономическое внутри- и внешнеполитическое «наследство» досталось хаджа Мирзе Агаси при вступлении его в должность премьер-министра.

Эхо придворных интриг косвенно затронуло и самого хаджа Мирзу Агаси, в ком увидели ловкого и корыстолюбивого человека, вовремя примкнувшего к Мохаммед мирзе хану — будущему шаху. Обвинения в интриганстве возникли в результате отказа нового шаха утвердить на посту главы правительства Аляяр хана Асеф од-Доуле, который служил на этом месте покойному Фатх-Али шаху и рассчитывал продолжить свою службу и при внуке. Однако этого не произошло. Мохаммед шах сначала возвел в должность мирзу Абу-л-Касема Ферахани, а затем доверил этот пост хаджа Мирзе Агаси. Злые языки утверждали, что такая рокировка стала возможна только благодаря личной просьбе Мирзы Агаси, бывшего учителя и наставника наследника шахской короны, так сказать по старой памяти дать ему возможность занять эту вакансию.

Однако при ближайшем рассмотрении вся картина выглядит иначе. Основная угроза шахскому государству на тот момент исходила от Российской империи. От ее «аппетитов» зависела безопасность северных провинций Ирана и сохранность государства в целом. Отношения между Петербургом и Тегераном были серьезно подорваны событиями 30 января 1829 года, когда фанатично настроенная толпа устроила погром в российской миссии, в результате которого погиб министр-резидент А. С. Грибоедов [Мир русской истории, 2004, с. 233–234]. Из четырех десятков сотрудников миссии выжили трое: первый секретарь миссии И. С. Мальцов и два курьера Арутюн Гасратов и Ибрагим бек [Орлик, 1994, с. 161]. В донесении генералу И. Ф. Паскевичу о происшествии И. С. Мальцов очертил круг иранских сановников, причастных к погрому. Среди замешанных, помимо министра иностранных дел мирза Абдоль Хасан хана, тегеранского губернатора принца Зель эс-Султана и главы шиитских улемов хаджа мирза Месиха, оказался и бывший первый визирь шаха Аляяр хан.

Назначить столь одиозную фигуру, как Аляяр хан, на пост главы правительства, которому в ближайшем будущем предстояло улаживать трения, возникшие в отношениях с российской стороной, было просто невозможно, отчего пост занял хаджа Мирза Агаси, человек нейтральный, к тому же известный своими высокими нравственными качествами.

Можно выделить несколько направлений, приоритетных для политики хаджа Мирзы Агаси, характеризующих его как человека прагматичного и способного принимать нелегкие решения.

Суть главной проблемы развития Ирана в 1830–1840-х годах можно свести к одной фразе — слабость государственной власти на окраинах. Не последнюю роль в сложившейся ситуации играла Российская империя, пользующаяся многочисленными привилегиями и правом «сильного» при решении интересующих ее вопросов. Урегулирование русско-иранских отношений для Тегерана было необходимым условием для защиты территориальной целостности страны и защиты северных провинций от постоянных грабежей со стороны приграничных кочевых племен.

Надо отметить, что благодаря дипломатической активности хаджа Мирзы Агаси Ирану удалось достичь определенных результатов. Так, в 1837 году он добился от русского правительства

признания прав шаха на туркменские территории, лежащие в границах рек Атрек и Горген. Официальное подтверждение достигнутых соглашений огласил представитель Российской империи в Тегеране граф И. О. Симонич. Одновременно были пересмотрены все контракты на лов каспийской рыбы, заключенные астраханскими купцами с туркменскими промысловиками, установлен новый порядок организации рыбного лова, в соответствии с которым любой русский предприниматель был лишен права «входить в сношение с туркменами по рыболовству, не испросив на то предварительного позволения от астрабадского правителя» [АВПРИ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 168. Л. 9].

Усилиями хаджа Мирзы Агаси Ирану удалось избавиться от Якши Магомеда, одного из зачинщиков регулярных набегов туркмен-иомудов на шахские земли. В январе 1843 года в беседе с послом Российской империи А. И. Медемом Мирза Агаси, апеллируя к существующему влиянию Петербурга на туркменских старшин в Закаспийском крае, попросил выдать Ирану для суда и наказания вышеозначенного старшину [АВПРИ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 259. Л. 28]. Несмотря на тот факт, что Якши Магомед был родным братом самого ценного и последовательного союзника имперской политики в туркменских степях — иомудского старшины Кадыр хана, обострять отношения с которым было невыгодно Министерству иностранных дел Российской империи, просьбу первого визиря шаха пришлось рассмотреть. Я. Магомеда убрали с политической арены: сначала вывезли в Баку, а затем в Тифлис, где, по словам канцлера К. В. Нессельроде, тот имел право «пользоваться достаточным содержанием от нашего правительства» [АВПРИ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 259. Л. 29]. И хотя полного удовлетворения иранский двор не получил, непосредственная угроза пограничным территориям страны была устранена.

Для дальнейшего укрепления безопасности северо-восточных границ Ирана хаджа Мирза Агаси предпринял попытку вернуть под национальную юрисдикцию остров Ашур-Аде, ссылаясь на его историческую принадлежность. (По словам визиря, иранская таможня, взимавшая десятину (от «ашур» — десять) традиционно здесь существовавшая, давала Ирану безусловное право считать остров своим. — *О. Н.*). К сожалению, для первого министра затея не удалась и остров отошел к России. Впоследствии историк Г. В. Мельгунов исследовал остров и не нашел подтверждения иранской версии, как, впрочем, и российской о якобы нахождении здесь базы известного русского разбойника — С. Разина [Мельгунов, 1863, с. 128]. Однако настойчивые требования первого министра принесли свои плоды и капитану I ранга Е. В. Путятину, назначенному начальником организованного на остров Ашур-Аде российского крейсера, был отдан приказ пресекать «хищничества туркмен, безнаказанно производящих грабежи в персидских владениях» [АВПРИ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 259. Л. 9 об.].

Еще одним успехом, достигнутым благодаря деятельности Садр Азама, следует признать предотвращение захвата Россией порта Энзели. Дело в том, что российские дипломаты настаивали, что Энзелийский залив (мурдаб) является частью акватории Каспийского моря, что по условиям Туркманчайского мира позволяет всем российским судам иметь в Энзели свободный доступ. Хаджа Мирза Агаси оказался непреклонен, несмотря на угрозы российской дипломатии. В частности, в письме К. В. Нессельроде прямо утверждалось, что запрет захода в порт военного корабля дружественной державы во всем мире «почитается явным оскорблением флагу, коему оно принадлежит», что, согласно международному праву, приравнивается к оскорблению государства и является «достаточной причиной к разрыву» [АВПРИ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 2066. Л. 5]. Угроза новой войны вынудила Садр Азама несколько смягчить позицию, в результате чего был достигнут взаимоприемлемый компромисс. Собственно мурдаб был признан «внутренним озером» шахского государства, не относящимся к акватории Каспийского моря, а военные суда России получили право входить в Энзелийский залив, при этом одновременно в заливе могло находиться только одно иностранное военное судно. Следить за соблюдением порядка было поручено губернатору Гиляна Мохаммед Эмин хану [Там же. Л. 6 об.]. Одновременно для демонстрации своих прав иранское правительство поручило чиновнику администрации Мирзе Ибрахиму возвести по бастиону с тремя 18-ти фунтовыми орудиями на Казвинской и Энзелийской стороне залива [Там же. Л. 4].

В 1842 году между Россией и Ираном начались нелегкие переговоры о порядке разрешения имущественных и финансовых споров. Иранская сторона настаивала на ликвидации права российской стороны взыскивать долги за счет имущества наследников разорившегося коммерсанта. Защищать национальные интересы взялся первый визирь. Российскую сторону представляли консул Н. А. Аничков и Полномочный министр в Тегеране граф А. И. Медем. В конце 1843 года, спустя несколько месяцев переговоров, свет увидел шахский фирман, в котором отмечалось: «Всякое условие, купчая, или продажная (*acte de vente on d'achat*), вексель имеют быть впредь

засвидетельствованы и вписываемы в Диван хане в книге, доставленной на этот конец областным губернатором за государственной печатью» [АВПРИ. Ф. 161/4. Оп. 729/2. Д. 50. 1854. Л. 9]. Параллельно с началом переговоров по существующему вопросу была отменена льгота, дарованная русскому купечеству покойным Аббасом мирзой. По существу, это соглашение также было компромиссным, поскольку в качестве гаранта любой сделки теперь выступало иранское государство, что играло на руку российской стороне. Вместе с тем иранское купечество теперь было ограждено от самопроизвольных поборов и реквизиций.

Следует отметить, что на дипломатическом поприще первому визирю удалось сдержать, хотя и не без потерь, российскую сторону.

Другим, не менее значимым направлением деятельности хаджа Мирзы Агаси стало укрепление экономической самостоятельности государства. Первым шагом на этом пути стала попытка восстановления национального производства. Однако, не имея подготовленных кадров, финансового обеспечения и хотя бы элементарной промышленной базы, осуществить задуманное было практически невозможно. Поэтому именно хаджа Мирза Агаси инициировал непопулярную, а для многих соотечественников и порочную практику обучения собственных граждан за границей и поиска иностранных специалистов для решения двух насущных задач: модернизации национальной экономики и усовершенствования государственного аппарата. Уже в 1834 году с его подачи шах поручил иранскому посланнику в Париже Хусейн хану искать и привлекать на службу французских граждан. Выбор в пользу третьей силы, способной уравновесить русско-британское превосходство в иранских делах, был не случайным. Находясь на периферии иранской дипломатии более 25 лет, Франция могла стать опорой нового кабинета в борьбе с «естественными» врагами государства — Россией и Великобританией. Параллельно были уволены многие британские специалисты и военные. К сожалению, хлопоты Хусейн хана принесли свои плоды только в 1839 году, когда в Тебриз прибыла первая партия из 12 человек для строящихся фабрик и команда из 11 унтер-офицеров для обучения солдат иранской армии [АВПРИ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 206а. Л. 110]. Неудача в привлечении французских специалистов была связана с позицией парижского посланника в Тегеране графа де Сетижа [Correspondence, 1839, p. 130], выступавшего против помощи Ирану в его стремлениях модернизировать страну. Именно это обстоятельство вынудило первого визиря вернуть в строй «заклятых» друзей — русских и англичан.

Так, на службу шаху вернули британского полковника Генриха Бетьюна, которому поручили возглавить реформы в армии. Бетьюна произвели в генералы и назначили командующим авангардом шахских войск [АВПРИ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 144. Л. 88]. Были призваны Гудсон, Бейль, Линч, Эмот, капитан-артиллерист Вильбраум с командой из 7 сержантов для организации в Иране артиллерийского дела [Там же. Л. 134–134 об.]. Чуть позже прибыли братья Стейсоны — медики, до этого участвовавшие в экспедиции на реке Евфрат [Там же. Л. 135].

Любопытным в данной связи выглядит факт призыва на службу и извечных противников Великобритании в Иране — российских специалистов. В депеше из Петербурга за 1839 год на имя графа И. О. Симонича подчеркивалось, что в ответ на просьбу шаха и, желая оказать «дружественное расположение», император повелел направить в Иран под командой артиллерийского офицера специалистов лафетного, колесного, сверлильного и кузнечного дела — мастеровых из штата казенных Арсеналов [АВПРИ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 193. Л. 110].

Представляется, что обращение к двум державам, претендующим на единоличное господство в Иране, было сознательным шагом первого визиря с целью уравновесить влияние сторон. Это подтверждается и фактом предоставления экономических льгот Великобритании, аналогичных российским. В частности, в мае 1836 года был издан фирман, уравнивший коммерческие привилегии России и Великобритании. В нем отмечалось, что британские коммерсанты впредь «должны платить чиновникам правительства такие же пошлины за свои товары, какие уплачиваются в настоящее время купцами русского государства» [Новая история ... , 1988, с. 82]. Окончательно разрушил торговую монополию Российской империи в Иране договор 1841 года, подписанный иранским министром иностранных дел Абдул Хусейн ханом и британским послом Джоном Макнилом. Для ограничения русского влияния в Иране большое значение имела статья II договора, в соответствии с которой Великобритания получила право открывать консульства и агентства на территории всего шахского государства. Такие представительства появились в Тегеране, Бушире и Тавризе (Тебризе). «Генеральным» считался консул именно в Тавризе — центре русского торгового и политического влияния [Новая история ... , 1988, с. 83].

Последствия принятых мер не замедлили сказаться. Так, если ввоз из Европы в Иран через Трапезунд в 1834 году составлял всего 4927 мест, то в период 1836–1845 годов составил в среднем 17 197 товарных мест. И наоборот, к концу 40-х годов XIX века транзит иранского сырья в Европу

через турецкий порт достиг отметки 53,5–54,0 тыс. мест [АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 386. Л. 47]. Можно констатировать, что политика первого визиря достигла своего результата — разрушения русской товарной монополии на потребительском рынке Ирана. Вместе с тем сказать, что Иран от новой расстановки сил выиграл, — нельзя. Для того чтобы действительно сбалансировать товарный рынок, нужны были собственные производственные мощности.

Для решения этой задачи первый визирь стал принимать меры по оживлению всей хозяйственной деятельности страны. В частности, на собственные средства хаджа Мирзы Агаси в провинциях, особенно пострадавших от бегства крестьян, вынужденных покинуть родные края из-за невыносимых условий жизни, стали строиться кяризы и арыки. В Кермане, Йезде и Астрабаде жители полузаброшенных деревень получили возможность использовать новые водные артерии для рентабельного ведения хозяйства. В Великобританию для обучения агротехнике и изучения опыта мелиоративных работ было направлено несколько человек.

Помимо специалистов по сельскому хозяйству, Иран нуждался в специалистах по горнорудному делу, геологоразведке, металлургии. Так, в Россию для получения соответствующей специальности был направлен Джафар Кули бек. Кроме знаний, полученных в Петербургском институте корпуса горных инженеров, молодой специалист имел возможность пройти стажировку на рудниках и заводах Урала. Получив образование в России, Джафар Кули бек заметно продвинулся в карьере, став начальником национальных горных инженеров [АВПРИ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 263. Л. 1 об.]. Обращение именно к российской стороне, несмотря на известные трения между государствами, было осознанным и прагматичным шагом со стороны первого визиря. Дело в том, что с конца XVIII века Российская империя была самой технически оснащенной страной в области горных разработок, была лидером по добыче золота в Европе и имела свою школу по подготовке специалистов данного профиля. Весьма показательным, что знаменитый египетский реформатор Мохаммед Али с просьбой о подготовке национальных горных инженеров обратился именно к Николаю I. В августе 1846 года в Петербург прибыли два египетских студента, которым также было позволено стажироваться на уральских промыслах и золотых приисках [Вальская, 1973, с. 127–128].

Поэтому в 1842 году в письме на имя Николая I шах Мохаммед обратился с просьбой помочь специалистами в восстановлении литейного производства Ирана и проведении геологического обследования прикаспийских провинций. Курировать работу российской команды поручили лучшему на тот момент специалисту Ирана — Джафар Кули беку. В его задачу входило оказание посильной помощи русским инженерам при проведении работ, быть переводчиком и посредником во время переговоров.

Правительством Российской империи было принято решение поручить данную миссию инженер-майору Н. И. Воскобойникову. Нельзя сказать, что империя действовала исключительно из дружественных побуждений. С организацией ашур-адинского отряда военных кораблей России требовался источник бесперебойной поставки угля. Не случайно разведка каменноугольных залежей была начата в провинциях, лежащих в непосредственной близости от Астрабадского залива. Контроль за изысканиями был возложен на тегеранского Посланника империи А. И. Медема. В инструкции, данной Н. И. Воскобойникову, канцлер К. В. Нессельроде подчеркивал, что, выполняя приказ шаха, главное внимание руководитель экспедиции должен уделить провинциям, имеющим перспективные потенциалы для удовлетворения российских потребностей. Речь шла о Мазандеранской и Астрабадской провинциях, в которых было особенно заинтересовано русское правительство [АВПРИ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 259. Л. 10]. Данные об открытии новых месторождений Воскобойников должен был отсылать минуя шахский двор непосредственно русскому дипломатическому представителю в Тегеране [АВПРИ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 259. Л. 11].

Первоначально был обследован Карадагский магал, где ранее существовали иранские государственные чугунно-плавильные заводы. Проверка выявила крайне неутешительную, хотя и не безнадежную картину. Несмотря на то, что построенный англичанами завод был почти полностью разрушен, в нем сохранилась вполне работоспособная домна и обильные запасы сырья. Однако провести пробные плавки не удалось из-за отказа местных властей выделить Воскобойникову необходимый тягловый скот и чернорабочих. Следующими были обследованы медные рудники и частные медеплавильные заводы. Ситуация повторилась. При наличии руды и остатков производства, плавильни запустить не удалось из-за отказа их владельцев усовершенствовать печи «на манер европейских». В итоге русской команде так и не удалось передать свой опыт местным металлургам [АВПРИ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 259. Л. 5 об.].

Другими словами, безразличие провинциальных властей и местного предпринимательского класса, нежелание хоть что-то менять в размеренном (скорее застойном) ритме своей жизни погубили инициативу первого визиря, способную серьезно укрепить экономическую

самостоятельность страны. В утешение хаджа Мирзе Агаси осталось только обещание канцлера К. В. Нессельроде: «Буде же Персидское правительство изъявит желание получать из России чугун, железо и сталь, то оно может быть от нас снабжаемо сими металлами, а, равно, и весьма потребными из оных изделиями» [АВПРИ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 193. Л. 111].

Наконец, следует отметить еще одно направление деятельности первого визиря — попытку массового распространения знаний о современных достижениях науки и техники.

В 1836 году по инициативе хаджа Мирзы Агаси из Великобритании в Иран завезли первые печатные станки и была построена тегеранская типография. Ответственность за организацию дела возложили на Салеха Ширази, и уже в конце 1836 — начале 1837 года его стараниями стала издаваться ежемесячная столичная газета. К сожалению, вышло всего несколько номеров и газета закрылась [Новая история ... , 1988, с. 113]. В 1845 году по распоряжению хаджа Мирзы Агаси в Тегеране была открыта вторая типография, а годом спустя — типография в Исфахане. Здесь печатались книги по медицине, химии, физике, делались обзоры европейских политических событий, публиковались материалы технической и естественно-научной направленности.

Хаджа Мирза Агаси, будучи членом суфийского ордена, а значит человеком крайне религиозным и в определенной степени консервативным, оказался способным выйти за рамки узкорелигиозного восприятия действительности. Да, он продолжал вести скромный образ жизни, одевался в простую одежду, не соответствующую, по местным меркам, статусу государственного сановника, тратил свои деньги на поддержание улемов и дервишей, и вместе с тем понимал необходимость кардинальных перемен в жизни государства и общества. Обратной стороной этого понимания было стремление ограничить нецелевые расходы государства и аппарата, стремление аристократии к непомерной роскоши, за что, собственно, его и ненавидела вся придворная знать.

Подводя итог вышесказанному, следует признать, что реформы, проводимые хаджа Мирзой Агаси, успешные лишь отчасти, оказались нереализованными не из-за его недееспособности или слабохарактерности, а из-за крайней нищеты предпринимательского класса, пассивности провинциальных властей, серьезной оппозиции в среде иранской аристократии и постоянного внешнего давления — британского и русского. Все инициативы первого визиря, пусть и неудачные, скорее говорят о широте его мышления, его «революционности», если можно так выразиться, в стремлении улучшить состояние дел в стране, а отнюдь не о консерватизме, и уж тем более не о «порочности» и ретроградности. Примечательно, что лавры «главного реформатора Ирана XIX в.», на мой взгляд, несколько преувеличенные, достались Мирзе Таги хану (Амир Незаму, Амир Кабиру). Это мнение, широко распространенное как в отечественной, так и зарубежной литературе, включая иранских исследователей, не подвержено критике, хотя всем известно, чем закончились начинания первого визиря Наср-эд-Дин шаха, — полным провалом. Представляется, что эти лавры — заслуга в первую очередь его предшественника, ведь Мирза Таги хан пошел тем же путем: открытие «Дар-ул-Фунун» и отсылка местных «недорослей» на учебу за границу, издание европейских новостей, привлечение иностранных специалистов для модернизации армии и производства. Но как это часто бывает в истории, иная конъюнктура, иные внешние обстоятельства и пр., возвели на пьедестал человека, который не был первым, и даже не самым успешным, что незаслуженно отодвинуло на задний план реального вдохновителя и первопроходца реформ в Иране.

Список источников

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). — Ф. 144. — Оп. 488. — Д. 386 ; Ф. 161/4. — Оп. 729/2. — Д. 50. 1854 ; Оп. 1. — Д. 144, 168, 206а, 259.
2. Березин И. Путешествие по Северной Персии // Соч. — Казань : Тип. губ. правл. и ун-та, 1852. — XII, 348, 72 с.
3. Вальская Б. А. Е. П. Ковалевский и египетские инженеры на Урале и Восточном Судане (неопубликованные материалы) // Страны и народы Востока. — Вып. 15 : Африка и Азия. — М. : Наука, 1973. — 351 с.
4. Джахиев Г. А. Россия и Дагестан в начале XIX века: Дагестан в русско-иранских и русско-турецких отношениях. — Махачкала : Дагестан. кн. изд-во, 1985. — 96 с.
5. Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии (1864–1914) / пер. с англ. Е. А. Верховской, Н. И. Лисовой. — М. : Центрполиграф, 2004. — 544 с.
6. Мельгунов Г. В. О южном берегу Каспийского моря. Замечания Г. Мельгунова // Приложение к III т. // Записки Императорской академии наук. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1863. — № 5. — 374 с.

7. Мир русской истории : энцикл. справ. — М. : Вече, 2004. — 544 с.
8. Новая история Ирана : хрестоматия / отв. ред. М. С. Иванов, В. Н. Зайцев. — М. : Наука, 1988. — 327 с.
9. Орлик О. В. Трагический конец деятельности А. С. Грибоедова // Новая и новейшая история. — 1994. — № 6. — С. 147–171.
10. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). — Ф. 7590. — Оп. 3. — Д. 25.
11. Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях : сб. док. — М. : Госполитиздат, 1946. — 256 с.
12. Correspondence relating to Persia and Afghanistan. — L. : Printed by Harrison and son, 1839. — 206 p.

References

1. *Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii (AVPRI)* [Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AFPRI)]. F. 144, Op. 488, D. 386; F. 161/4, Op. 729/2, D. 50. 1854; Op. 1, D. 144, 168, 206a, 259. (In Russian).
2. Berezin I. *Puteshestvie po Severnoj Persii* [Travelling in Northern Persia]. Kazan, Provincial Government and University Publ., 1852, XII, 348, 72 p. (In Russian).
3. Val'skaja B. A. E. P. Kovalevsky and Egyptian Engineers in the Ural Region and West Sudan (unpublished materials). *Strany i narody Vostoka. Vypusk 15 : Afrika i Azija* [Countries and Peoples of the East. Issue 15: Africa and Asia]. Moscow, Science Publ., 1973, 351 p. (In Russian).
4. Dzhahiev G. A. *Rossija i Dagestan v nachale XIX veka: Dagestan v rusko-iranskih i rusko-tureckih otnoshenijah* [Russia and Dagestan in the Early 19th Century: Dagestan in Russia-Iran and Russia-Turkey Relations]. Makhachkala, Dagestan Publishing House Publ., 1985, 96 p. (In Russian).
5. Kazem Zadeh F. *Rossija i Britanija v Persii (1864–1914)* [Russia and Britain in Persia (1864–1914)]. Moscow, Centrepoligraf Publ., 2004, 544 p. (In Russian).
6. Mel'gunov G. V. About the Southern Coast of the Caspian Sea. G. Melgunov's Notes. *Zapiski Imperatorskoj akademii nauk* [Notes of the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg, Academy of Sciences Publishing House Publ., 1863, no. 5, 374 p. (In Russian).
7. *Mir russkoj istorii* [The World of Russian History]. Moscow, Vechе Publ., 2004, 544 p. (In Russian).
8. *Novaja istorija Irana* [New History of Iran]. Ivanov M. S., Zajcev V. N. (eds.). Moscow, Science Publ., 1988, 327 p. (In Russian).
9. Орлик О. В. The Tragic End of A. S. Gribojedov. *Novaja i novejšaja istorija* [New and Modern History]. 1994, no. 6, pp. 147–171. (In Russian).
10. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv jekonomiki (RGAJe)* [Russian State Economic Archive (RSEA)], F. 7590, Op. 3, D. 25. (In Russian).
11. *Sovetsko-iranskie otnoshenija v dogovorah, konvencijah i soglashenijah* [Russia and Iran Relations, Conventions, and Agreements]. Moscow, Gopoitizdat Publ., 1946, 256 p. (In Russian).
12. Correspondence Relating to Persia and Afghanistan. L., Harrison and son Publ., 1839, 206 p.

Информация об авторе

Никонов Олег Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории стран Азии и Африки Института истории и политики Московского педагогического государственного университета.

Сфера научных интересов: международные отношения в Новое и Новейшее время, взаимоотношения России со странами Востока.

Information about the author

Nikonov Oleg Aleksandrovich — Doctor of History, Professor in the Department of New and Modern History of Asia and Africa at the Institute of History and Politics of Moscow State Pedagogical University.

Research interests: modern and contemporary international relations, Russia's involvement in the Middle East.

Статья поступила в редакцию 15.01.2021; одобрена после рецензирования 16.02.2021; принята к публикации 25.02.2021.

The article was submitted 15.01.2021; approved after reviewing 16.02.2021; accepted for publication 25.02.2021.